

И.А. Григорик

*Витебский государственный университет П.М. Машерова,
г. Витебск (Белоруссия)*

I.A. Grigorik

*Vitebsk State University
Vitebsk (Belarus)*

**КАТЕГОРИЗАЦИЯ МЕНТАЛЬНОГО ОБРАЗА
«СОБИРАТЕЛЬНОСТЬ»
(НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ)
CATEGORISATION OF MENTAL REPRESENTATION
«A COLLECTIVE IMAGE»
(ON THE MATERIALS OF ENGLISH AND RUSSIAN LANGUAGES)**

Ключевые слова: фигура, фон, профилирование
Keywords: figure, ground, profiling

В статье исследуется категоризация ментального образа «собираемость» в сопоставительном анализе русского и английского языков и объясняется, почему данная категория рассматривается с точки зрения когнитивной лингвистики.

The article is dedicated to a comparative analysis of «a collective image» among Russian and English speaking people and it is explained why this category is investigated through the prism of cognitive linguistics.

Категория собираемости, будучи одной из важных и сложных категорий во всех языках, изучалась и изучается с разных точек зрения. Проанализировав исследования онтологических основ собираемости в русском и английском языках, лексикографические данные словарей, грамматические выражения собираемости, которая находится на стыке единственного и множественного числа, категорию количества, сопоставления собираемых лексем английского и русского языков, мы пришли к выводу, что для изучения собираемости необходим новый подход - когнитивный, который помогает прояснить, какой образ люди воспринимают как собираемый и одинаков ли он у представителей русского и английского языковых обществ, что они подчеркивают в совокупности предметов или явлений, мыслимых как единое целое, и как этот образ находит свое выражение в языке.

Эта задача и легла в основу цели данной статьи – показать как категоризируется ментальный образ «собираемости», одинаков ли этот образ у русскоговорящих и англоговорящих людей.

Наше исследование осуществляется в области когнитивной лингвистики. Огромнейший вклад в развитие данного направления было сделано как русскими: Е.С. Кубряковой, Е.В. Рахилиной, З.Д. Поповой, И.А.

Стерниним, В.Н. Телия; белорусскими: Л.М. Лещевой, В.А. Масловой, В.В. Мартыновым, Б.Ю. Норман, Н.Б. Мечковской, А.Е. Супрун, Б.А. Плотниковым, З.А. Харитончик, так и зарубежными учеными: А. Вежбицкой, Р. Лангакером, Л. Талми, Ч. Филмором, Дж. Лакоффом и др.

В когнитивной лингвистике уделяется особое внимание проблемам когнитивно-ориентированных исследований структуризации человеческих знаний об окружающем мире, ментальному образу понятия, категоризации, классификации, идее мотивированности лексических единиц, созданию и обоснованию когнитивных моделей прототипов различных категорий, что и обусловило изучение нами категории собирательности с когнитивной точки зрения.

В толковом словаре С.И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой дается следующее определение собирательности: «собирательные существительные – это существительные, обозначающие совокупность однородных предметов и передающих это значение с помощью специальных суффиксов: - *ство*, -*я*, -*щин(а)*, -*ищ(е)*, -*н(а)*, -*ара*, - *ура*, -*я(а)*, -*в(а)* и др.: *студенчество*, *листва*, *армия*» (2002: 732). В английском толковом словаре под редакцией А. Хорнби, Э. Гейтенби, Х. Уэйкфилда дается определение собирательных существительных в английском языке, которое не называет суффиксы собирательности: *gy*, -*hood*, -*dom*, -*y*, -*ry*, – *ship*, но подчеркивает связь с категорией количества: «собирательные существительные употребляются в единственном числе, но обозначают множество индивидуумов (*cattle*, *crowd*, *audience*)» (1996: 182). Д. Байбер, С. Джохансон, Дж. Лич, С. Конрад, Э. Финеган считают, что «собирательные существительные ассоциируются с особым типом бытия: людей (*crowd*, *gang*), животных (*flock*, *herd*, *shoal*, *swarm*), растений (*bouquet*, *clump*), неодушевленных объектов окружающей действительности (*batch*, *set*, *bunch*, *gang*, *pack*)» (1999: 249). В последних трех определениях имеется намек на семантическое значение слов, которое можно выразить таким образом: «совокупность, скопление, группа», а также возможность дискретной и недискретной совокупности.

Как в русском, так и в английском языках имеются спорные вопросы в отнесении к собирательности тех или иных групп слов. Так, в английских грамматиках обсуждаются вопросы о существительных: название фирм, стран или городов, использованные для обозначения людей, работающих в этих фирмах, проживающих в стране или в городе, класса в целом к собственным или собирательным, выделении в отдельный класс количественных существительных или отнесении их к собирательным. В русском языке спорным остается вопрос отнесения вещественных и абстрактных существительных во множественном числе к собирательным или вещественным и абстрактным соответственно (Delahanty, Garvey, 1994; Biber, 1999 и др.).

Ситуация сопоставления собирательной лексики осложняется наличием морфологических несовпадений эквивалентов данной категории в исследуемых языках. Например, одному эквиваленту русского языка может соответствовать один эквивалент английского языка (*листва* – *foliage*), а

может и два (*армия* – *army, forces*; *военщина* – *soldiery, militarists* и т. д.), причем в двух эквивалентах английского языка обнаруживается несовпадение по грамматическому числу. Лексикографические данные толковых словарей не помечают такие слова как «собираательные».

Изучаемая нами категория собирательности не исследовалась еще с позиции когнитивной лингвистики, поэтому актуальной остается проблема осмысления собирательных единиц как структур представления знаний и выделения наиболее типичных признаков концепта собирательности, как самых значимых для данной категории. Наше исследование будет проводиться на базе русского и английского языков, сопоставление которых покажет, одинаков ли концепт собирательности в сопоставляемых языках.

Восприятие собирательной сущности (*рус.: листва, студенчество, аристократия, банда, толпа, группа, коллектив; англ.: foliage, the students, aristocracy, gang, crowd, group, staff*) обусловлено некоторыми общими свойствами человеческого мышления, а именно, наличием собирательных понятий, являющихся разновидностью понятия как формы мышления. Однако обнаруживаются определенные различия в образе, который каждый социум воспринимает как собирательный.

В каждый момент времени на наши органы чувств действует много предметов, но не все они воспринимаются одинаково. Одни из образов выделяются нами, выступают на передний план, и мы сосредоточиваемся на них. Другие – словно отходят на задний план, в известном смысле сливаются друг с другом, воспринимаются менее ясно. В соответствии с этим различают фигуру восприятия, то есть то, на чем сосредоточено в данный момент восприятие, и фон, который образуют все другие предметы, действующие на нас в это же время, но отступающие, по сравнению с объектом восприятия на задний план.

В психолингвистике различение фон/фигура является ключевым моментом теории Л. Талми. Дальнейшее развитие и использование этих понятий мы находим в работах Р. Лангакера (Langacker, 1972; 1987).

В нашем исследовании мы также будем рассматривать собирательный образ с позиции различения фигуры/фона. Известно, что человек воспринимает и членит действительность неравномерно: какая-то информация для него является базовой и знакомой, а какая-то новой и более значимой в данный момент. В лингвистической теории это противопоставление связано с точкой зрения говорящего на ситуацию: что для одного говорящего важно, для другого может быть менее значимым. Важным в этой теории является нежесткость, то, что было незначимым, становится значимым и наоборот. Особое свойство восприятия фигуры/фона мы в нашем исследовании называем избирательностью, или профилированием. «Профилирование – это процесс выделения понятия на основе имеющихся представлений» (Лангакер, 1987: 108).

В условиях реальной деятельности решающую роль в избирательности восприятия играет выполняемая обществом задача, установка, готовность воспринимать те или иные предметы определенным образом. Восприятие

сопровождается мысленным отнесением воспринимаемого к определенной группе, классу предметов, обобщением его в слове и зависит от самих воспринимающих субъектов, их знаний и опыта. Профилирование отражает как мысленный образ, так и точку зрения говорящего, в связи с чем одно и то же выражение может иметь несколько значений, так, говорящий, наблюдающий *звезды не небе*, может сказать: *созвездие* или *звезды на небе*.

Восприятие фигуры в пространстве включает в себя восприятие формы, величины, взаимного расположения объектов, их рельефа, удаленности и направления. Наиболее информативный признак, который нужно выделить при ознакомлении с формой – это контур. Контур является разделительной гранью двух реальностей – фигуры и фона.

Фигура совокупности – это определенная мыслительная область, область концептуализации, которая охватывает наше восприятие и понимание реальных ситуаций совокупности. Она дает нам представление о тех смыслах, которыми оперирует человек в процессах мышления, объединяя множество объектов в целое в виде неких «квантов» знания о совокупности – когнитивных образах, что также можно представить в рамках различения фигуры/фона, которые находятся в тесной корреляции друг с другом. В каждой сенсорной модальности мир представляется нам состоящим из фигур, расположенных на некотором фоне. Если некоторая часть изображения может быть как фигурой, так и фоном, то наблюдается смена выступающих и отступающих полей при каждом переходе от восприятия одного сочетания фигуры и фона к другому, противоположному. Если фигуры соединены, то они могут казаться образующими единую большую фигуру или распадаться на две фигуры в соответствии с особенностями их организации. Фигура, которая сама по себе проста и отчетлива, часто трудно воспринимается, если она составляет часть большого, прочного связного целого. Части, будучи соединены вместе, образуют совершенно особые целые. Часть, включенная в целое, кажется другой, чем при отдельном восприятии. Между частями единого «целого» существуют отношения, которые часто выходят за пределы этих отдельных частей. В восприятии имеет место взаимодействие внутри целостностей, каждая часть оказывает некоторое влияние на другие. Ничто никогда не изолировано. «Целостный» характер формируется ансамблем, он не может быть обнаружен в частях при их раздельном восприятии. Они имеют некую абстракцию, так как для их выделения приходится игнорировать многие из более очевидного содержания наших чувств, данных о вещах.

Рассмотрим следующие примеры: *листва, дубняк, роща, инструментарий, общество, коллектив, команда*. *Лист* – яркая и четкая фигура со своим цветом и формой. *Листья* – множество фигур, но наличие их множественности стирает форму и границу каждой отдельной фигуры, слияние цвета и соединение фигур превращает их в фон, который не ограничен, он бесконечен. *Листва* – это тоже множество объединенных фигур, которые соединяются и сливаются в более крупную фигуру, хотя и размытую, так как элементы фигуры-совокупности – не выделяются, но,

листва коррелирует с другими частями деревьев или кустов, что и ограничивает эту совокупную фигуру от других фигур. *Дубняк* выделяется в значимую фигуру на основании породы деревьев и противопоставлению другим породам – фону, либо по контрасту с другими объектами окружающей действительности. Это верно и в отношении лексемы *роцца*. *Инструментарий* выделяется в фигуру на основании практической деятельности людей. Рассматривая социальные явления: ***общество, коллектив, команда*** и подобные, фоном воспринимается весь социум. Фигуры воспринимаются не на фоне неба или пейзажа, а на фоне других людей. Фон очерчивает границы некоторой социальной среды, особого мира, в котором фигуры выполняют свои роли. Выделенность и значимость людей создает рельеф фигуры, который отражается в функционировании данного понятия в языке, именно на этом основании в английском языке существует: *team is/are*. В русском языке, несмотря на выделенность человека как индивида, подчеркивается их совокупность: *Команда обсуждает стратегию игры*. Граница фигуры воспринимаемого объекта или явления также может быть не наблюдаемой (выделяется на основании наших знаний), а виртуальной: *акт, сцена, пролог, глава, страница, параграф* – представляют ограниченную область письменной работы.

Итак, для совокупной фигуры необходимо наличие фона, который является ориентиром для профилирования этой фигуры. Фон помогает определить расположение, масштабы фигуры и показать ее контрастность по отношению к другим предметам окружающей действительности, провести границу фигуры: англ.: *over the dropping foliage of the trees; the company of the strangers; the group by the lamp* – рус.: *они шли по лесной тропинке, где шушала под ногами листва; основные строения Сен-Бриджа группировались вокруг обширной асфальтированной площадки*.

Совокупная фигура–образ представляет собой тесную взаимосвязь фигуры и фона. Изучив возможные инварианты данной пары в восприятии русских и англичан, мы сможем проследить, как совокупная фигура находит свое выражение в языковом континууме.

Наш анализ совокупных фигур-образов мы начинаем с лексем, которые помечены как собирательные в толковом словаре С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой и соответственно их эквиваленты в английском языке. Их насчитывается 181 единица в русском языке. Для удобства описания понятий разделим сущности на одушевленные и неодушевленные.

- Неодушевленные собирательные сущности: рус.: ***листва, вишенник, старьё, арматура, тряпье*** - англ.: ***foliage, cherry trees, old things, old staff, accessories, rags*** – сущности, состоящие из какого-то количества элементов, причем они рассматриваются как однородные элементы некоего множества. Наблюдая их визуально, мы видим скопление объектов: *листвы под деревом, старья в квартире, инструментария на складе* – мы видим «кучу» чего-то, что занимает определенное пространство и, выделяется как совокупная фигура с границей по отношению к другим объектам - фону. Если мы не наблюдаем данные совокупности, то выделяются они в отдельную фигуру по

наличию общей функции, что и является для них фоном: *вишенник* – совокупность деревьев одной породы, *аппаратура*, *арматура*, *инструментарий* – по общему предназначению. В результате наличия общей функции для всей совокупности различительные особенности элементов совокупности нейтрализуются: в одном ряду идут деревья молодые и старые, инструменты, различные по конфигурации и предназначению. Нейтрализация гетерогенности зависит от мотивированности и целей наблюдателя.

Таким образом, граница рассматриваемых фигур устанавливается на основании протяженности визуального поля по отношению к окружающему пространству - фону: *листва находится на дереве или под деревом*, *вишенник – вишневый сад находится рядом с домом*.

Из приведенных примеров мы видим, что в русском языке собирательные образы презентуются с помощью существительных, которые имеют суффикс собирательности и употребляются только в единственном числе. В английском языке некоторые эквиваленты имеют форму множественного числа, что свидетельствует о профилировании дискретного характера совокупной фигуры.

Увеличение или уменьшение объема совокупной фигуры не приводит к образованию новой фигуры, а влияет на ее объем: *много/мало вишенника*, *большие листья*, *меньше рвань* – но это *вишенник*, *листва*, *рваньё*, а не *две листья*, *три рвань*. Образование множественности на уровне одной совокупной фигуры в русском языковом пространстве невозможно, что свидетельствует о недискретном характере совокупной-фигуры. Важной особенностью собирательности в английском языке является то, что совокупности имеющие форму множественного числа, соответственно образуют множественность на уровне одного объекта: *old things*, подчеркивая дискретность совокупности.

Теперь проанализируем одушевленные сущности: рус.: *бабьё*, *старичьё*, *крестьянство*, *правительство*, *духовенство* – англ.: *women folks*, *old people*, *peasants*, *government*, *clergy*, *priesthood* и т. д. *Бабьё* – это бабы, *старичьё* – старые люди, *крестьянство* – крестьяне, *потомство* – потомки, люди, последующих поколений, молодое поколение по отношению к старому. Понятия-образы представляют ограниченную фигуру, состоящую из совокупности индивидов. Несмотря на акцентированность человека как сущности, данное выделение не является специфическим в русском языке, т. е. не профилируется, важным свойством является их общая социальная функция – отношение родства, совместная деятельность, отношение к классу или определенной возрастной группе, что и выделяет их в отдельную фигуру. Поскольку мы не всегда можем визуально наблюдать данную совокупную фигуру, граница ее может быть абстрактной и существовать на основании наших общих знаний. В английском языке среди лексем-эквивалентов мы видим наличие как собирательных существительных в единственном числе и имеющим словообразовательный суффикс, так и форму множественного

числа, что говорит о профилировании как недискретной совокупности, так и дискретной.

Таким образом, мы видим, что для восприятия понятий данной группы в русском языке важны два фактора: фиксирование множества элементов и объединение их в дискретную (состоит из множества элементов) совокупную фигуру на основании общей функции, однако дискретность при этом не профилируется: *Неуклюже растущее кошачье семейство, происшедшее от одной прародительницы. Полиция давно махнула рукой на миссис Тинкхем. Акционерное общество «Фантазия фильм» перешло в новые руки. Начальство опасалось... Они шли по прохладной лесной тропинке, где шушала под ногами листва... Общество, которое допускает такие вещи, нужно взорвать... Но двойное руководство могло привести к путанице.* Все подчеркнутые лексемы согласуются с глаголом в единственном числе, образовать множественное число этих же лексем невозможно. В английском языке данные лексемы могут согласовываться с глаголом, как в единственном, так и во множественном числе, как отражение профилированной недискретности или дискретности совокупной фигуры, что ярко отражается на следующем примере, хотя сама лексема имеет форму единственного числа и собирательный суффикс. Например: *the nobility is/are* (*знать, дворянство, аристократия*) – оба выражения могут использоваться для описания одной и той же сцены, но они обозначают разные стороны ситуации. В первом случае профилируется недискретная совокупность фигуры, а во втором – дискретная.

Таким образом, взаимодействие с действительностью создает проблемную ситуацию по заданию категоризации и функций сущностям, для разрешения которой используется речь в качестве промежуточного инструмента. Воздействие проблемной ситуации выступает фактором мотивации, обуславливающим применение речи как средства, пригодного для выполнения некоторой задачи. Взаимодействие ситуации и индивида порождает смысл. То, какой смысл будет порожден в каждом данном случае как реакция на профилированную ситуацию, определяется не только самой ситуацией, индивидуальными чертами данной личности, но и типом культуры социума.

Для каждого социума характерно, что образы его восприятия интегрируют в себе использование речи. За счет словесного обозначения возникает возможность абстрагирования и обобщения свойств предметов (Лакофф, 2008). Каждое представление имеет свое содержание, то есть, выражение предполагает определенное представление содержания, которое оно вызывает в нашем сознании. В русском языке категория количества жестко соблюдается, то есть имеется в виду, что если лексема в единственном числе, то согласование с глаголом тоже будет в единственном числе, в английском языке вербализация образов тесно связана с семантическим значением, поэтому профилированная дискретность может отразиться и на функционировании лексемы в единственном числе и

согласуемом глаголе во множественном: *The team are discussing the strategy of the game.*

Таким образом, собирательность – сложное ментальное образование, которое можно связать с объектами окружающей действительности посредством различения фигуры и фона и их тесной взаимосвязи. Огромное значение принадлежит профилированию элементов совокупной фигуры, так как от этого напрямую зависит дискретность и недискретность элементов совокупной фигуры. Русскоязычное население видит совокупность недискретной, англичане же могут профилировать как дискретность, так и недискретность.

Литература

1. Диброва Е.И. Современный русский язык // Теория. Анализ языковых единиц. Морфология. Синтаксис. – М.: Прогресс, 2001. – Ч.2. - С. 32- 140.
2. Лакофф Дж. О порождающей семантике // Новое в зарубежной лингвистике. - М.: Прогресс, 1981. - Вып. X. – С. 350 - 368.
3. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. – М.: ЛКИ, 2008. – 256 с.
4. Кубрякова Е.С. Когнитивный взгляд на природу частей речи / Сборник статей. – М.: Институт языкознания РАН, 1996. – С. 218 - 224.
5. Ожегов С.И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. - М.: Азбуковник, 2002. - 939 с.
6. Biber D. Grammar of spoken and written English / D. Biber, St. Johansson, G. Leech, (eds.). – L: Pearson Education Limited, 1999. - P. 240 - 259.
7. Delahanty G.P., Garvey J.J. Language, Grammar, Communication / A Course for Teachers of English. - NY: Hill, 1994. – P. 110 - 117.
8. Langacker R.W. Fundamentals of Linguistic Analysis. – NY: Harcourt Brace Jovanovich, Inc, 1972. – 372 p.
9. Langacker R.W. Nouns and verbs. - Language. - Berlin: Mouton de Gruyter, 1987. - P. 76 - 125.
10. Hornby A.S., Gatenby E.V., Wakefield H.W. The Advanced Learner's Dictionary of Current English. - М: Сигма-пресс, 1996. – 511 с.

References

1. Dibrova E.I. Modern Russian // Theory. Analysis of linguistic units. Morphology. Syntax. – Moscow: Progress Publishers, 2001. – Part 2. – p. 32-140.
2. Lakoff J. About generative semantics // New in foreign linguistics. – Moscow: Progress Publishers, 1981. – Issue X. – p. 350-368.
3. Lakoff G., Johnson M. Metaphors we live. – Moscow: LKI, 2008. – 256 p.
4. Kubryakova E.S. Cognitive view of the nature of parts of speech / Collection of articles. – М.: Institute of Linguistics, 1996. – p. 218-224.
5. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. Dictionary of Russian language. – М.: Azbukovnik 2002. – 939 p.

6. Biber D. Grammar of spoken and written English / D. Biber, St. Johansson, G. Leech, (eds.). – L: Pearson Education Limited, 1999. – P. 240 - 259.
7. Delahanty G.P., Garvey J.J. Language, Grammar, Communication / A Course for Teachers of English. - NY: Hill, 1994. – P. 110 - 117.
8. Langacker R.W. Fundamentals of Linguistic Analysis. – NY: Harcourt Brace Jovanovich, Inc, 1972. – 372 p.
9. Langacker R.W. Nouns and verbs. - Language. - Berlin: Mouton de Gruyter, 1987. – P. 76 - 125.
10. Hornby A.S., Gatenby E.V., Wakefield H.W. The Advanced Learner's Dictionary of Current English. - M: Sigma-press, 1996. – 511 p.

(0,5 п.л.)